

Юлия Зверева

кандидат филологических наук, Пермский государственный университет
614990 Россия, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15

НАИМЕНОВАНИЯ ДЕТЕЙ В РУССКИХ ГОВОРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРМСКИХ ГОВОРОВ)*

Пермские говоры – говоры вторичного заселения, распространенные на территории Пермского края. Исследователи истории Пермского края отмечают, что территория Верхнего Прикамья русскими осваивается в XV веке, изначально на этих землях проживали финно-угорские народы (коми, удмурты, манси). Заселение Пермского края происходило в основном с Русского Севера, поэтому в основе пермских лежат севернорусские говоры (архангельские, сольвычегодские, вологодские, вятские и другие). Соседство русских с коми-пермяками обусловило появление в лексике пермских говоров большого количества коми-пермяцких по происхождению слов. Юг Пермского края начал осваиваться русскими позже, в XVII веке выходцами из разных территорий, в том числе из Средней России, поэтому говоры южного Прикамья имеют отличия от говоров севера Пермского края. Кроме того, русские на этой территории находились в другом иноязычном окружении, их соседями были татары, башкиры, ханты, марийцы [Полякова: 33], и наибольшее количество заимствований в этих говорах связаны с тюркскими языками.

В пермских говорах существует большое количество существительных, называющих детей. Эти слова характеризуют поведение ребенка (*базл́ан* ‘часто плачущий ребенок’, *балéза* ‘непослушный ребенок’), особенности физического развития (*пáполза*, *седу́н* ‘ребенок, который долго не начинает ходить’, *намя́тыш* ‘крепкий, упитанный ребенок’), указывают на положение в семье (*заскрéбыш*, *послéдыш* ‘последний ребенок в семье’, *найдёнок* ‘приемный ребенок’, *пéрвыш*, *почáтыш* ‘первый ребенок в семье’), обозначают возраст ребенка (*ку́вя*, *кувя́ка*, *ка́га* ‘младенец’, *безго́док* ‘ребенок в возрасте до года’, *годо́вик* ‘годовалый ребенок’, *недорóсток* ‘подросток’). Немалое количество существительных входят в особую группу со значением ‘внебрачный ребенок’ (*бастрю́к*, *выбля́док*, *зауглёнок*, *капу́стник*, *миро́н*, *чу́рка* и др.). В пермских говорах фиксируется большое число собирательных числительных, называющих детей: *гну́с*, *кашкало́д*, *малорóсье*, *но́мор*, *о́вод*, *но́рос*, *плани́да*, *руно́*, *чéлядь*.

Наибольшее число лексем характеризуют поведение ребенка. Так, в пермских говорах зафиксировано около 30 слов со значением ‘часто плачущий ребенок’: *базло́*, *ви́зга*, *кежгунёнок*, *ня́рга*, *ня́ва*, *писку́н*, *плаксун*, *реву́н*, *стонóтка*, *уросник*, *хайло́*, *хлю́па* и другие. Чаще всего эти лексемы образованы с помощью различных суффиксов от однокоренных глаголов, имеющих значение ‘плакать, кричать, визжать’: *базлать*, *визжать*, *кежгать*, *пищать*, *плакать*, *реветь*, *стонать*, *уросить*, *хлюпать*.

Большинство этих глаголов общерусские, другие же носят диалектный характер, например: *базлать*, *уросить*. Глагол *базлать* встречается во многих русских говорах и имеет значение ‘кричать, орать, плакать, вопить’. От него образованы существительные *базл́ан*, *базло́* ‘часто плачущий мальчик’ (*Базлан ты, только реёшь*. Покча. Черд.; *Базло забазланил опять*. Покча. Черд.), *базла́нка* ‘часто плачущая девочка’ (*Базлан – мальчик ревет, про девочку – базланка*. Покча. Черд.). Слово *уросить* существует в севернорусских говорах и

* Работа выполнена при финансовой поддержке грантов АВИЦП «Развитие научного потенциала высшей школы». РНП. 2.1.3.3440; РГНФ 07-04-82409 а/У; РГНФ 08-04-82404 а/У; РГНФ 08-04-82408 а/У; РГНФ 08-04-82410 а/У.

имеет значение ‘упрямиться, упираться, капризничать’ [Даль 4: 1062]. В пермских говорах сохраняется и это значение слова, например, глагол может характеризовать поведение упрямого животного (*Лошадь уросит. Ну, не идёт, пятитя назад.* Черд.). В дальнейшем происходит расширение семантики глагола и он приобретает дополнительное значение ‘капризничая, плакать’ (*Сёдня целый день уросит. Вон чё слёз-то.* Черд.). От глагола с этим значением и образуется несколько существительных, обозначающих плачущего ребенка: **урос, уроска, уросник, уросница** (*Вот этъ урос какой, орёт – спасу нет.* Суксун. Суксун.; *Ребёнок маленький уросил, урос годов двух, на третьем уросник такой.* Покча. Черд.).

Несколько слов с этим значением образованы от глаголов, имеющих коми происхождение. В разных населенных пунктах севера Пермского края записаны слова с корнем *нярг-*: **нярга, няргун, няргу́нчик, няргу́нья** – ‘часто плачущий ребенок’ (*Заняргать – заплакать, маленьки нярги, заняргал опять нярга.* Камгорт. Черд.; *Не няргай, няргун* [ребенку]. Макарово, Черд.; *У нас Перфуша был няргунчик, всё няргал, ревел.* Акчим. Краснов.). Эти лексемы образованы от глагола *няргать* ‘негромко, назойливо плакать, ныть’ [АС 3: 86], который связан с коми-пермяцким глаголом *няргыны́* – «хныкать, ныть» [КПРС: 285]. Слово **кежгунёнок** (*Что за кежгунёнок растёт, всё время хинькат и хинькат.* Сопино. Караг.) образовано от диалектного глагола *кежгать*. Слово также заимствовано из коми-пермяцкого языка, в котором *кежгыны* – ‘хрипеть’ [КПРС: 169]. В русском языке у него возникает другое значение ‘плакать, издавать монотонные, негромкие звуки’ [СПГ 1: 386].

Небольшая часть лексем с этим значением образована путем переноса. Так, слово **хайло́** имеет в русских говорах несколько значений: ‘устье русской печи’, ‘горло, рот’, ‘крикун’ [Даль 4: 1162]. С последним значением и связано расширение семантики и появление нового значения ‘плачущий ребенок’ (*Ревун екой, хайло ревливой, покоя не даёт.* Попово-Останино. Сол.).

В группе слов, характеризующих поведение ребенка, вторую по численности группу составляют слова со значением ‘непослушный ребенок’ (**балёза, балу́к, басала́й, варна́к, веретёшко, во́льник, во́ссия, вражо́нок, зимого́р, одменёнок, ослу́шник, переменёнок, стри́ж, чу́ча** и др.). Большинство слов с этим значением образовано путем метафорического и метонимического переносов. Так, слово **стри́ж** в литературном языке имеет значение ‘небольшая птица отряда длиннокрылых’ [Ожегов: 762]. Эта птица отличается высокой скоростью полета, поэтому возникновение в говорах у слова **стри́ж** значения ‘озорной, непослушный ребенок’ вполне объяснимо (*Иногда называют стрижи: он такой, стри́ж, чё-нибудь утаишьт, напраказничат.* Акчим. Краснов.). Интересно, что в говорах появляются дериваты от слова **стри́ж** со значением женскости, которых в литературном языке нет: **стри́жня, стри́жовка** (Та девка такая стри́жня, бойкая, ету девку бьёт. Покча. Черд.; У меня стри́жовка внучка, бойкая, да долгуша, долгая да тонкая. Вильгорт. Черд.).

В пермских говорах существует лексема **чу́ча** (*Ну какая ты у меня чу́ча растёшь, совсем от рук отбиваешься.* Тюлькино. Сол.). Слово связано с диалектным *чу́ча* и литературным *чучело*, имеющими значение ‘фигура наподобие человеческой для отпугивания птиц в саду и огороде’ [Ожегов: 878]. В просторечии у слова *чучело* появляется значение ‘грязный, небрежно одетый человек’, скорее всего, у словообразовательного варианта *чу́ча* также было это значение, его развитие и привело к появлению значения ‘непослушный ребенок’.

Одно из значений слов **одменёнок** и **переменёнок** в пермских говорах ‘непослушный ребенок’ (*Ой, де непослушной, поперёшной, одменёнок, переменёнок.* Покча. Черд.). Первое значение слов связано с суеверными представлениями о том, что маленький ребенок может быть подменён на дитёныша черта, лешего. В русских говорах зафиксированы лексемы *обмен, обменёк, обменёнок, обменённый, обменёныш, переменёнок*, в значении ‘ребенок лешего’ [СРНГ 22: 123]. Путем расширения семантики у слов **одменёнок** и **переменёнок** появляются и другие значения ‘непослушный ребенок’ и ‘ребенок, рожденный вне брака’. Возникновение этих значений происходит на основе развития семы ‘не свой, чужой’, т.е.

наличие отрицательных качеств у ребенка (непослушание) или рождение его вне брака понимаются как проявление чуждости.

В группе слов, характеризующих поведение ребенка, самое большое количество слов имеет значение 'часто плачущий ребенок' и 'непослушный ребенок'. Возможно, это связано с тем, что именно плачущие и непослушные дети доставляют взрослым больше всего беспокойства.

Особую группу представляют собой названия со значением 'внебрачный ребенок', большинство из этих лексем имеет прозрачную внутреннюю форму. В наименованиях внебрачного ребенка подчеркивается неестественность его рождения. В подобных наименованиях часто отражается представление о внебрачном ребенке как найденном: *найдо́нко, найдо́нши, найдо́нный, нахо́дец, нахо́дный*. Необычность может проявляться в рождении его в необжитом пространстве, а за его пределами (за углом, под забором, в капусте, в крапиве). Этими словами мотивируются лексемы *зауго́лок* (*Петеро робят-то от мужика, а ишо троих зауголков нажила*. Ефронята. Добр), *подзабо́рник* (*Подзаборник, если девка бросила под забор ребёнка, пусть хоть кто подбирает*. Покча. Черд.), *капустник* (*Внебрачный ребенок ёще называется капустником*. Елога. Юрл.), *крапиво́вник* (*Принесла в подоле крапивника*. Нердва. Караг.), *подкрапиво́вник* (*У соседки-то внук подкрапивник, дочь-то у неё не замужем*. Меча. Киш.).

Часть слов со значением 'внебрачный ребенок' можно объяснить иноязычными данными. Так, в чердынских говорах Пермского края бытует слово *чурка* – 'внебрачный ребенок' (*Чурка если незаконный дак*. Покча. Черд.). С тем же значением слово зафиксировано в Словаре русских говоров Коми-Пермяцкого округа, употребляется оно также в северных говорах, о чем свидетельствуют данные Словаря говоров Низовой Печоры [СГНП 2: 430] и словаря Даля, где оно имеет помету «вологодское» [Даль 4: 634]. Можно предположить, что слово *чурка* – 'внебрачный ребенок' заимствовано из коми-зырянского языка, в котором *чурка кага* – 'незаконный ребенок' [РКС: 322]. Слово связано с коми-зырянским *чурк* – 'бугор, возвышающееся неровное место', является однокоренным к *чурвидзны́* – 'торчать, выступать', *чурго́дны́* – 'высунуться, выдвинуться, сделаться торчащим' и восходит к общепермскому *č'urk – 'о торчащем остром предмете' [КЭСКЯ: 314]. В коми-зырянском языке слово путем метафорического переноса получило новое значение, и в этом значении было заимствовано северными русскими говорами.

В пермских говорах слово *чурка* в значении 'внебрачный ребенок' стало ассоциироваться с русским по происхождению словом *чурка* 'мерный обрубок дерева, чурбан' из *чур* – «рубеж, межа, предел», откуда далее – «пограничный знак», «пень», «кол», «колода» как обозначение границы. Отсюда связь с *чурбан*» [Черных 2: 397]. Об этом свидетельствует также употребление слова *чурбан* в значении 'внебрачный ребенок' (*Зауголёнок беззаконный, чурбан зовут*. Покча. Черд.).

Большинство наименований с подобным значением отражает представление носителя традиционной культуры о внебрачном ребенке как о чем-то, что нарушает повседневный уклад жизни. Внебрачный ребенок может осознаваться как чужой, с этим представлением связана лексема *курамыш* (*Соседка-то у меня рано курамыша родила, да так замуж-от и не вышла*. Березовка. Кунг.). Слово происходит от тюркского мужского личного имени *Карамыш* [Подюков: 8]. Употребление в качестве наименования внебрачного ребенка нерусского личного имени объясняется наделением представителей чужой национальности (татарской) негативными, отрицательными чертами.

Собирательные существительные, обозначающие детей, чаще всего образуются путем метафорического переноса. В пермских говорах слова *гну́с, номор, овод, саранча*, кроме собирательного обозначения маленьких детей, имеют первое, прямое значение 'летающие насекомые'. Так, у слова *гну́с*, кроме значения 'дети, детвора' (*Ребят-то расплодилось, какой гну́с. Полна изба*. Мартино. Краснов.; *Круг меня наголо ребята, хватат их, гну́са*. Акчим, Краснов.) есть значение 'летающие жалящие насекомые' (*Гну́с – это комары, мухи, которые кусаются*. Редикор. Черд.). Лексема *овод* в литературном языке имеет значение

‘двукрылое насекомое, личинки которого паразитируют в теле животных’ [Ожегов: 434], на основе переноса у слова также возникает значение ‘дети, обременяющие родителей’ (*Муж в Соликамску хотел ехать, куды бы с оводом-то девались. Толстик. Сол.; Из-за них, из-за оводов, и покою-то нет. Ничё они не делают, дармоеды. Б. Долды. Черд.*). Первое значение слова **саранча́** ‘насекомое, вредитель сельского хозяйства, перелетающее большими массами’ [Ожегов: 620]. Кроме того, это слово служит для собирательного обозначения детей (*Мелочь-то ишо есь – это уж иначе, третте названне – саранча. Пянтег, Черд.*). Переносное значение ‘дети’ у слов **гну́с**, **овод**, **саранча** произошло в результате наделения детей негативными качествами насекомых, вызывающими неодобрение и отвращение (многочисленностью, способностью причинять неудобства, прожорливостью).

В северных пермских говорах существует слово **но́мырь** (вариант – **но́мор**), со значением ‘маленькие дети’ (*Номырь полно бегают. Пож. Юрл.; Булочек настряпаю на номеру, дак они едят, волочат. Редикор. Черд.*). Лексема заимствована из коми-пермяцкого языка в двух значениях: ‘скопление мелких насекомых’ (*Муху и пауты называются номер. Илаб. Сол.*) и в переносном значении – ‘выводок, множество детей’ [КПСР: 277]. Первое значение коми-пермяцкого слова **но́мыр** – ‘червь, червяк, черви’ зафиксировано и в коми языке и восходит к общепермскому **nomir* – ‘червь, личинка насекомых’ [КЭСЯ: 194].

Значение ‘маленькие дети’ в пермских говорах имеет и слово **плани́да** (*Планида – маленькие робята, всех маленьких называют. У них, говорит, планиды-то полная изба. Пянтег. Черд.; Вот планиды-то скоко! Тресь её побери! Планида-то – когда робят много. Дуброва. Сол.*). В современном русском литературном языке слово бытует в форме *планета* – ‘небесное тело, вращающееся вокруг Солнца и светящееся отраженным солнечным светом’. Слово заимствовано из греческого языка (*πλανήτης αστήρ* – ‘странствующая (изменяющая место стояния) звезда’) [Черных 2: 38] и в форме *плани́да* существовало в древнерусском языке, в современном же варианте употребляется с Петровского времени [там же]. В СРНГ у слова **плани́да** фиксируется несколько значений, в том числе и собирательное обозначение детей. В русских говорах слово *плани́да* имеет значения: 1. ‘планета’; 2. ‘комета’; 3. ‘сильный дождь, ветер, гроза и т.п., вызывающее бедствие’; ‘несчастье, бедствие’; 4. ‘многодетная семья’; ‘дети, детвора’ [СРНГ 27: 80-81]. Можно предположить, что значение ‘маленькие дети’ возникло путем такого семантического преобразования: ‘небесное тело’ > ‘погодные явления, вызывающие бедствия’ > ‘несчастья, бедствия’ > ‘непослушные дети’ > ‘дети’. В пользу этого предположения говорит и то, что в пермских говорах слово *планида* означает также непослушных детей (*Только это обзывок, вот планида-де, о ребятах. Пянтег. Черд.; Планида – орда, робята мелкие... Окайнные угланки, угланы, планиды – одно и то же. Пянтег. Черд.*).

Слова, обозначающие множество детей, нередко обладают отрицательной эмоциональной окраской. В лексике отразилось мировоззрение крестьян, которые жили бедно и трудно, но в то же время имели большие семьи, и маленькие дети, еще неспособные к тяжелому крестьянскому труду, воспринимались как лишние рты.

В диалекте может сохраняться такое значение слова, которое было утрачено в литературном русском языке. Так, для собирательного обозначения детей используется лексема **че́лядь** (*У меня людно внуков, да я и зову челядёнки да челедь. Черд.; Залетали челядь, тут людно, мелкая угланы-то. Смучилась с челядью-то, мелкота-та бегают да. Нюзим. Черд.; Челядь, орда ребят зовём. Нюзим. Черд.*). Причем литературное значение слова **челядь** ‘прислуга в помещичьем доме’ в говорах отсутствует. Слово существует во всех славянских языках: укр. *челядь*, блр. *чэлядзь*; болг. *челяд* – ‘потомство’, ‘род’, ‘дети’; чеш. *čeled* – ‘прислуга’, также биол. ‘семейство’, словац. *čel’ad* – ‘прислуга’, ‘люди’, также ‘семейство’, ‘раса’, ‘молодежь’, польск. *czeladz* – ‘слуги и домочадцы’ [Черных 2: 378-379]. В общеславянской основе **čeljadь* исследователи выделяют корень **čel-* и суффикс *-jad-ь*, возводя к индоевропейскому корню **kuel* – ‘толпа’, ‘стая’, ‘клан’. В этимологическом словаре П.Я. Черных выдвигается предположение, что исходное значение **čeljadь* – ‘дом’ (в смысле люди, составляющие нечто цельное, единое, ‘семья’). Таким образом, расщепление

семантики привело к появлению двух основных значений, существующих в современных славянских языках: 1. 'прислуга', 2. 'дети' [там же]. Можно предположить, что изначально в древнерусском языке слово *челядь* обозначало не только 'рабов', 'невольников', 'слуг' [Черных 2: 378-379], но также и детей, и это значение сохранилось в говорах. Интересно, что в этом значении слово из русских говоров было заимствовано в коми-пермяцкий язык: *челядь* – 'потомство, дети', 'детский'; *челядясьны* 'рожать', 'родить'; *челядясьом* – 'роды' [КПРС: 530].

Таким образом, в тематической группе «Ребенок» (и в лексике пермских говоров в целом), отражаются культурно-бытовые особенности русских, проживающих на этой территории, а также контакты носителей диалекта с представителями других национальностей.

Литература

- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: 1955.
Коми-пермяцко-русский словарь/ Сост. Р.М. Баталова, А.С. Кривошекова-Гантман. – М., 1985.
Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. М. 1970.
Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995.
Подюков И.А. К проблеме описания лексико-фразеологического состава русских говоров Южного Прикамья // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии. Ч.2. С. 5-13.
Полякова Е.Н. Формирование пермских говоров // Региональная лексикология и ономастика: Материалы для самостоятельной работы: Учеб. Пособие. Пермь, 2006. С. 14-38.
Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). Пермь, 1984-2003. Вып.1-5.
Словарь говоров Низовой Печоры / Под ред. Л.А. Ивашко: В 2 т. СПб., 2003-2005.
Словарь пермских говоров: В 2т. Пермь, 2000.
Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. Пермь. 2006.
Словарь русских народных говоров. Л., СПб., 1984-2006. Вып. 1-40.
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4т. М., 1964-1973.
Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М., 1994

Список используемых сокращений

- АС – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). Пермь, 1984-2003. Вып.1-5.
Даль – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: 1955.
Добр. – Добрянский район Пермского края
Караг. – Карагайский район Пермского края
Киш. – Кишертский район Пермского края
КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь/ Сост. Р.М. Баталова, А.С. Кривошекова-Гантман. – М., 1985.
Краснов. – Красновишерский район Пермского края.
Кунг. – Кунгурский район Пермского края
КЭСЛЯ – Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. М. 1970.
Ожегов – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995.

- РКС – Русско-коми словарь. Сыктывкар, 1966.
- СГНП – Словарь говоров Низовой Печоры / Под ред. Л.А. Ивашко: В 2 т. СПб., 2003-2005.
- СПГ – Словарь Пермских говоров: В 2 т. Пермь, 2000-2002.
- Сол. – Соликамский район Пермского края.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Л., СПб., 1984-2006. Вып. 1-40.
- Суксун. – Суксунский район Пермского края.
- Черд. – Чердынский район Пермского края.
- Черных – Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М., 1994
- Юрл. – Юрлинский район Пермского края.

THE NAMES OF CHILDREN IN RUSSIAN DIALECTS OF PERM REGION

The article is dedicated to the study of the names of children in Russian dialects of Perm region. Such names are very different: collective, characterizing children behaviour, designated natural children. These names is reproduced Russian national peculiarities, conditions of life, interethnic interactions in Perm region.